Абраменко Анна Васильевна

НАРРАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ В КОНТЕКСТЕ АСИММЕТРИЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ В. В. ПУТИНА)

В статье рассматривается проблема использования нарративной, повествовательной стратегии в политической коммуникации асимметричного типа. Анализируется применение политических нарративов в дискурсе действующего Президента России В. В. Путина в период событий новейшей украинской смуты и присоединения Крыма. Автор приходит к выводу, что стратегия нарратива обладает высоким трансформирующим потенциалом и жанровым разнообразием, что делает ее широко востребованной в современном внутригосударственном и международном коммуникативном пространстве.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/11-1/1.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (49): в 2-х ч. Ч. I. С. 13-18. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 327.8
Политология

В статье рассматривается проблема использования нарративной, повествовательной стратегии в политической коммуникации асимметричного типа. Анализируется применение политических нарративов в дискурсе действующего Президента России В. В. Путина в период событий новейшей украинской смуты и присоединения Крыма. Автор приходит к выводу, что стратегия нарратива обладает высоким трансформирующим потенциалом и жанровым разнообразием, что делает ее широко востребованной в современном внутригосударственном и международном коммуникативном пространстве.

Ключевые слова и фразы: стратегическое взаимодействие; нарративная стратегия; политический нарратив; асимметричная политическая коммуникация; президентский дискурс; международные отношения.

Абраменко Анна Васильевна
Южный федеральный университет
a.v.abramenko@list.ru

НАРРАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ В КОНТЕКСТЕ АСИММЕТРИЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ В. В. ПУТИНА)©

Использование когнитивных стратегий и техник в современном политическом дискурсе, без преувеличения, можно сравнить с применением сверхсекретного оружия в условиях боевых действий. «Дискурсивное вооружение» выступает не только важным средством в борьбе за внутригосударственную политическую власть, но и триггером в перестановках на международном уровне. Обладая им, политик становится способен конструировать новый социальный мир, структурировать коммуникацию и выстраивать выгодный для себя сценарий развития событий. Активная работа политических аналитиков и технологов приводит к постоянному пополнению базы когнитивных стратегий. В данной статье предпринята попытка анализа нарративной, повествовательной стратегии политической коммуникации. А также рассмотрена практика ее применения в условиях асимметричной политической коммуникации на примере дискурса действующего президента России В. В. Путина.

В современных условиях политическая коммуникация выступает основной сферой стратегического взаимодействия в политике. Как отмечает И. Гоффман, политические субъекты, в разной степени институционализированные и обладающие властью, находятся в хорошо структурированной ситуации взаимного столкновения, где каждый из них должен сделать «шаг», и любой из намеченных шагов может привести к роковым последствиям для всех участников взаимодействия. В этой ситуации на движение субъектов оказывает влияние не только окружающая их политическая действительность, но и особый вид принятия решений. В нем каждый участник должен заранее предвидеть реакцию других на его действия, иными словами «в таком случае ―шаги” будут сделаны в свете моих мыслей о мыслях других обо мне» [18, p. 143]. Основным реализующим элементом такого взаимодействия выступают определенные когнитивные стратегии. Данные стратегии представляют собой план действий, организующий последовательность шагов для достижения главной цели в условиях недостаточной информации относительно действий других участников общения, а потому делающий выбор в пользу определенного шага в критических пунктах процесса коммуникации [3, с. 274]. Являясь частью коммуникативного поведения, они регулируют использование различных вербальных и невербальных средств достижения стратегического результата, на который направлен каждый единичный коммуникативный акт.

Следует отметить, что конституирующим признаком каждой когнитивной стратегии, используемой в политике, выступает непрерывно происходящее в процессе политической коммуникации специфическое политическое различение друга и врага, обозначающее и поддерживающее контуры политического соединения и разделения. В этом смысле, когнитивная стратегия возникает как проекция более общей политической стратегии – непосредственного плана действий в условиях реального политического процесса, и при этом сама проецируется в более частных речевых и символических стратегиях.

В пространстве политической коммуникации существует широкое видовое разнообразие когнитивных (коммуникативных) стратегий, применяемых различными политическими субъектами [4; 7]. Особый исследовательский интерес представляет использование нарративной (повествовательной) когнитивной стратегии как в отечественном, так и в международном политическом дискурсе.

Понятие «нарратив» появилось в контексте гуманитарных наук достаточно недавно. Как отмечает Й. Брокмейер, «отправной точкой интереса к нарративу в гуманитарных науках является, по-видимому, ―открытие” в 1980-х гг. того, что повествовательная форма – и устная, и написанная – составляет фундаментальную психологическую, лингвистическую, культурологическую и философскую основу наших попыток прийти к соглашению с природой и условиями существования» [1, с. 30]. Использование понятия «нарратив» довольно быстро стало весьма широким, что привело, в свою очередь, к неясности и неопределенности в его концептуальной и аналитической сущности. Можно выделить по крайней мере три направления, оперирующих различными аспектами данного теоретического конструкта.

© Абраменко А. В., 2014

В первом направлении, которое можно обозначить как традиционное (лингвистическое), нарратив предстает как «текст, описывающий некую последовательность событий; то же, что история, рассказ, повествование» [13]. Так, Д. Шифрин определяет нарратив как «форму дискурса, через которую мы реконструируем и репрезентируем прошлый опыт для себя и для других» [21, p. 321]. А Р. Харре рассматривает нарратив как «подвид дискурса, но как вид наивысшего уровня или классифицирующего понятия в таксономии нарративных форм более низкого уровня» [1, с. 33], которые включают в себя мифы, народные и волшебные сказки, правдивые и вымышленные истории и некоторые исторические, правовые, религиозные, философские и научные тексты.

Второе направление предлагает рассматривать нарратив как особую когнитивную деятельность. Здесь нарратив есть не только фрагмент дискурса, характеризующийся наличием структуры и повествователя, опосредующего отношения героев и открытого им реального мира, но и форма бытия человека – взгляд на мир глазами автора-рассказчика. И. Розенфельд утверждает, что «…нарративы играют роль линз, сквозь которые независимые элементы существования рассматриваются как связанные части целого. Они задают параметры повседневного и определяют правила и способы идентификации объектов, которые подлежат включению в дискурсивное пространство» [12]. Еще шире роль нарративов определяет П. Рикер. По его мнению, «только в той или иной форме повествования (нарратива) – повествования на тему повседневной жизни, исторического повествования, связанного с вымыслом, – жизнь обретает единство и может быть рассказана» [11].

И, наконец, согласно третьему направлению, нарратив выступает метапарадигмой для современной теории и практики коммуникации. Основу нарративной парадигмы составляет так называемая нарративная рациональность, являющаяся противоположностью формальной рациональности и включающая в себя нарративную вероятность (согласованность и связность истории) и нарративную верность (наличие в рассказе *good reasons* для доверия к нему, то есть «веских причин» или «достаточных оснований»).

Как мы видим, первое и второе направление фокусируют внимание на социолигвистических характеристиках нарратива, отражающих возникновение и развитие индивидуального и коллективного опыта освоения мира, предстающего в особой текстообрзующей форме. Третье же направление переносит нарратив в пространство коммуникации, не отрицая, однако, «…существование или желательность существования частных жанров дискурса… полезность осознания различий между макроформами дискурса – философией, риторикой, поэтикой и т.д. – или микроформами дискурса –мифами, метафорами, аргументами и т.д.» [17, p. 347]. Она превращает его не только в форму символического опосредованного взаимодействия (как основу любого процесса коммуникации), но и в определенную коммуникативную стратегию.

В самых общих чертах нарративную стратегию коммуникации можно представить как целенаправленное воздействие на партнера посредством сюжетно-повествовательных высказываний (нарративов). Традиционной областью применения этой стратегии считается психотерапия. В ней нарративная стратегия, иначе нарративная метафора, исходит из утверждения, что каждый человек организуют свои впечатления и переживания в виде историй, которые придают смысл его жизни и отношениям. Как отмечает М. Эриксон, один из признанных специалистов в использовании нарративной стратегии, «они (пациенты) приходят сюда, и я рассказываю им истории. После чего они уходят домой и меняют способ своих действий» [15]. Трансформирующий потенциал нарратива стал одной из центральных причин переноса этой стратегии из области психотерапевтической коммуникации в сферу политики. В отличие от психотерапии, где в виде нарративов выступают авторские истории терапевта и пациентов, сказки, библейские притчи и народные мифы, в политической коммуникации их место занимают дискурсные образования различных жанров, сконцентрированные вокруг определѐнного политического события.

В политическом дискурсе нарративная стратегия применяется в избирательных кампаниях, парламентских дебатах по определенной проблеме, в политическом скандале. Б. Робертс отмечает, что нарратив используется в связи с политической биографией и автобиографией, рассказом о политических репрессиях и преследованиях, повествованием из области политической истории, политической аналитикой, системой политических взглядов [20]. Следует отметить, что сегодня в политике умение использовать нарративную стратегию признается многими как один из факторов успешности не только отдельного политического деятеля, но и политической акции или целого политического курса. Так, Д. Финкельштейн поясняет, что «наилучший способ для политика описать свою позицию, свои убеждения – это передать свои идеи в виде истории. <…> Маргарет Тэтчер считается выдающимся идеологом, но на самом деле она была гением нарратива» [Цит. по: 13]. Современная политическая практика представляет достаточно примеров применения нарративов, однако во многих из них нарратив выступает лишь в качестве одной из технологий, носящей временный тактический характер. В этой связи наиболее стратегической формой использования нарратива, несомненно, является политический дискурс президента России В. В. Путина, в частности, в период событий новейшей украинской смуты и присоединения Крыма.

Можно утверждать, что выбор данной стратегии в качестве основы президентского дискурса (как во внутригосударственном измерении, так и в международном) в указанный период не случаен. Он продиктован не только скрытым потенциалом нарратива, но и в первую очередь общеполитическим контекстом, оказывающим непосредственное влияние на пространство коммуникации.

Политическая коммуникация вокруг развернувшихся украинских событий может быть рассмотрена как один из примеров феномена асимметричной политической коммуникации, сущностью которого выступает символически опосредованное взаимодействие властных субъектов, обладающих определенной степенью несоразмерности (неравенства) в некоторых качественных характеристиках. И действительно, достаточно сложно назвать равными субъектами Российскую Федерацию, с одной стороны, и Запад, в лице США, ЕС и НАТО – с другой.

Специфику политической коммуникации асимметричного типа составляют отношения «двусторонней асимметрии». В рамках такой асимметрии стороны обладают разными, несовпадающими потенциалами превосходства. Здесь можно наблюдать ресурсно-силовую мощь Запада, его позиционное единство и международное влияние как в вопросе происходящих на Украине событий, так и в оценке действий России в отношении Крыма, и противопоставленные им с российской стороны международное право и культурно-историческое наследие. Ситуацию асимметричной политической коммуникации между Россией и Западом по украинскому вопросу можно охарактеризовать как латентное состояние противоборства за доминирующее положение в коммуникативном пространстве, за утверждение наиболее «правдивой версии событий» вместо кооперативного процесса коммуникации по возникшему очагу напряженности, грозящему перерасти в гуманитарный кризис и реальную угрозу международной безопасности. В этом смысле использование российской стороной нарративной стратегии ставило перед собой сразу несколько задач, продиктованных общим политическим контекстом. Во-первых, репрезентировать собственную историю происходящего, сконструировать посредством истории-нарратива пророссийскую реальность украинских событий. Затем манифестировать эту историю как во внутригосударственном политическом дискурсе, так и в международном, деконструировав (вытеснив) западные нарративы-версии. И создать, таким образом, симметричное коммуникативное пространство, ориентированное на кооперативный коммуникативный процесс.

Более конкретный анализ использования нарративной стратегии в период украинской смуты можно производить по следующей схеме:

1. идентифицировать дискурсивные единицы (политические тексты) на предмет наличия признаков нарративности;
2. определить видовую принадлежность предъявленных нарративов.

Начнем с идентификации дискурсивных единиц (политических текстов) В. В. Путина на предмет наличия в них признаков нарративности. Отметим, что под текстом (здесь и далее) мы будем понимать «любой внутренне организованный отрезок, представляющий собой продукт речевой деятельности и состоящий из связанных между собой предложений (высказываний), который по своим размерам превышает предложение (высказывание)» [6, с. 78], являющийся результатом «как письменной, так и устной формы речи, причем не только монологической, но и диалогической» [5, с. 55].

Итак, ключевым основанием любого текста, предполагающего его отнесение к категории нарратива, является событие, которое излагается нарратором (рассказчиком), выступающим опосредующей инстанцией. Мы видим, что данному требованию отвечают достаточно многие тексты (выступления) В. В. Путина. Примечательно, что даже в ситуации диалоговой коммуникации (пресс-конференции, «Прямой линии») ответы главы государства на вопросы журналистов строятся не по принципу описательности, а в повествовательной, нарративной манере. Можно предположить, что это связано с таким присущим нарративу свойством, как «объяснительность». Как полагает Дж. Веллеман, нарратив можно охарактеризовать как жанр объяснения. Каждый ответ-нарратив В. В. Путина не только излагает события, но делает их доступными для понимания и систематизирует причинно-следственные связи [22, p. 3].

Так, во время пресс-конференции на Краснопресненской набережной (19 декабря 2013 года) [10], отвечая на вопрос о цене на газ для Украины, президент вместо экономических расчетов и показателей, описывающих проблему, представляет в качестве ответа нарратив. Он начинает повествование, обращаясь в прошлое, во времена заключения контракта на газ с правительством Ю. В. Тимошенко, затем переходит к настоящему и подробно разъясняет сегодняшнюю экономическую ситуацию, дифференцируя проблемы Украины на внешние и внутренние, выстраивает «правильные» причинно-следственные связи, затем делает внесюжетное отступление об отношениях Украины и ЕС и вновь возвращается к повествовательной линии. В процессе ответа на вопрос, президент делает оценки, дает эксплицитные комментарии, представляет свои размышления и мнения, то есть создает экзегезис – историю повествовательного акта.

В связи с общей нарративизицией политического дискурса В. В. Путина, для дальнейшего (углубленного) анализа нарративной стратегии из всего массива выступлений президента нами были выбраны следующие два текста:

1) пресс-конференция по ситуации на Украине (4 марта 2014 года) [2];
2) обращение президента к депутатам Государственной Думы, членам Совета Федерации, руководителям регионов России и представителям гражданского общества (18 марта 2014 года) [9].

Оба эти текста удовлетворяют основному условию, позволяющему считать их (целиком или в некоторых ключевых фрагментах) нарративами – содержат в себе скрытую четырехуровневую модель «событие – история – наррация – презентация наррации» [14, с. 81], выступающую конституирующем началом. В каждом из них факты, мини-события образующие цепочку сюжета, отобраны из широкого множества ситуаций, лиц и действий, а затем представлены в искусственном порядке (хронологически) и вербализованы. Так, в пресс-конференции, В. В. Путина сюжет нарратива составляют вопросы, выстроенные в хронологии. Вместе с первым вопросом начинается развертывание сюжета беседы, движение от прошлого – что было («Как вы оцениваете то, что произошло в Киеве?»), к настоящему – что есть сейчас («Какая финансовая помощь будет предоставлена Крыму?», «При каких условиях и в каком объѐме может быть применена военная сила на Украине?»), а затем и к будущему – что может произойти («Просчитали ли Вы для себя, для страны, для мира возможные риски?»). Ответы президента также строятся в нарративной манере. К примеру, на вопрос «Как вы оцениваете то, что произошло в Киеве?», вместо, казалось бы, логичного краткого ответа –

«это был антиконституционный переворот и вооружѐнный захват власти», президент отвечает мини-рассказом. В нем есть и завязка сюжета – описание революционной ситуации с первых дней независимости Украины, и развитие – действия на майдане, даже с внесюжетным включением в виде истории про губернатора-проходимца, и кульминация – отстранение президента В. Ф. Януковича.

Текст обращения также имеет сюжетный характер, который, однако, может быть логически разделен на четыре отдельных повествовательных рассказа:

1. «Что значит Россия для Крыма и Крым для России»: развертывание повествования с сюжетов ВОВ, переходит к включению Крыма в состав Украины Н. С. Хрущевым, затем к распаду СССР и полному отделению Крыма в качестве субъекта независимого государства;
2. «Новые Украинские власти»: плавный переход от поддержки «вышедших с мирными лозунгами на майдан» к вопросу о легитимности «так называемых властей»;
3. «Референдум в Крыму и двойные стандарты Запада»: от выхода Украины из состава СССР к сравнению Крыма и Косово, а затем к самому крымскому референдуму;
4. «Место России в системе международных отношений»: от исчезновения биполярной системы, слабости России в период операций в Югославии, к вопросу цветных революций и развертыванию систем противоракетной обороны НАТО и новому позиционированию России.

Теперь обратимся к вопросу определения видовой принадлежности нарративов, представленных в текстах.

По мнению Е. И. Шейгал, для политической сферы наиболее распространенными являются три вида нарративов: личностный (нарратив политика), идеологический (нарратив-доктрина), событийный (нарратив политических событий и ситуаций) [13]. Личностный нарратив выполняет презентационную функцию и играет существенную роль в формировании политического имиджа. Большинство исследователей, однако, отождествляют личностный нарратив и самопрезентацию политика. Так, по мнению А. Дуранти, личностный нарратив оформляет последовательность жизненных событий политика таким образом, чтобы морально и эмоционально идентифицироваться со своими избирателями [16, p. 470]. В этой связи нам представляется необходимым расширить понимание личностного нарратива, включив в него не только позиционирование политиком самого себя, но и более крупных политических субъектов.

И действительно, на международной арене политические лидеры выступают в первую очередь от лица государства, формируя его имидж. В этом смысле оба текста В. В. Путина содержат личностный нарратив. В обращении президента он четко выделен и представлен следующей формулировкой: «Россия – самостоятельный, активный участник международной жизни. У неѐ, как и у других стран, есть национальные интересы, которые нужно учитывать и уважать» [9]. В пресс-конференции позиционирование России не имеет такого явного характера, тем не менее, можно выделить единое концептуальное ядро в вопросе имиджа России в свете украинских событий: Россия сильное демократическое государство, действующее на международной арене в рамках международного права и способное легитимным путем отстаивать свои национальные интересы. Следует отметить, что в данном тексте прослеживается также и собственно личностный нарратив политика, а именно президента В. В. Путина. Отвечая на вопросы журналистов о действующем президенте Украины В. Ф. Януковиче (например, «Вы ему сочувствуете?»), В. В. Путин позиционирует себя на контрасте с украинским президентом как ответственного политического лидера, главная обязанность которого «исполнять волю тех людей, которые доверили ему страну, действуя в рамках закона» [2].

Следующий вид нарратива – идеологический, или нарратив-доктрина. Его основу составляет некая идея или комплекс идей, доктрина, лежащая в основе партийной идеологии. Этот вид нарратива содержится в заключительной части обращения президента. Согласно ему, современная российская нация обладает зрелостью и силой национального духа, патриотическим настроем. Она способна твердо отстаивать свои внешнеполитические интересы и вернуть прежнее могущество российскому государству.

Третий, заключительный вид нарратива, наиболее широко представленный как в исследуемых текстах, так и в других выступлениях В. В. Путина, – событийный политический нарратив. Этот вид нарратива выполняет сразу несколько функций: 1) выступает обоснованием определенного политического курса; 2) объясняет сложившуюся политическую ситуацию; 3) поясняет те или иные политические акции. По мнению Е. И. Шейгал, «событийный нарратив нередко представляет собой определенную версию политической ситуации или события (версия = вариант изложения / объяснения)» [13].

В текстах В. В. Путина можно выделить по меньшей мере шесть тем, нашедших свое отражение в событийных нарративах:

1) ситуация на Украине;
2) военная интервенция России на Украину;
3) газовый вопрос и шире – отношения с новыми украинскими властями;
4) взаимодействия с международным сообществом по украинскому вопросу;
5) проблема изоляции и санкций в адрес России;
6) Крым.

Следует отметить, что каждый из этих тематических событийных нарративов транслировался президентом многократно с некоторыми различиями в формулировках. Это хорошо можно отследить на примере нарратива «Крым». Впервые достаточно большое внимание ему было уделено в тексте пресс-конференции. В ответах на вопросы журналистов президент представил его в следующем виде: Россия не рассматривает вариант присоединения Крыма, «только граждане, проживающие на той или иной территории, в условиях

свободы волеизъявления, в условиях безопасности могут и должны определять своѐ будущее» [2]. В тексте обращения крымский нарратив занял центральное место: была рассказана история Крыма, условия проведения референдума, реакция международного сообщества и возможные последствия для России.

В целом все обращение президента можно интерпретировать как рассказ «О Крыме» с сюжетными ответвлениями, включением различных действующих персонажей, реакцией самого рассказчика. Примечательно, что именно крымский событийный нарратив лучше всего подходит под описание нарратива, предложенное Дж. Нанбергом. По его замечанию, нарратив достаточно часто выглядит так же, как анонс фильма в программе телепередач: простодушный трубач из Вермонта наследует состояние и вынужден бороться с корыстолюбивыми жуликами из городской администрации; наивный молодой сенатор борется с политической коррупцией [19, p. 203]. В нашем же случае (из выступления В. В. Путина): «После тяжѐлого, длительного, изнурительного плавания Крым и Севастополь возвращаются в родную гавань, к родным берегам, в порт постоянной приписки, в Россию!» [8].

Подводя итоги рассмотрения проблемы использования нарративной, повествовательной стратегии в политической коммуникации асимметричного типа, можно прийти к следующим выводам:

1) нарративная стратегия коммуникации представляет собой целенаправленное воздействие на партнера посредством сюжетно-повествовательных высказываний (нарративов). В политической коммуникации в виде нарративов выступают дискурсные образования различных жанров, сконцентрированные вокруг определѐнного политического события. Особое значение использование стратегии нарратива приобретает в условиях асимметричной политической коммуникации;

2) асимметричную политическую коммуникацию следует охарактеризовать как латентное состояние противоборства за доминирующее положение в коммуникативном пространстве, в которое вступают властные субъекты, обладающие определенной степенью несоразмерности (неравенства) в некоторых качественных характеристиках. Специфику политической коммуникации асимметричного типа составляют отношения «двусторонней асимметрии», где стороны обладают разными, несовпадающими потенциалами превосходства;

3) актуальным примером применения стратегии нарратива в политической коммуникации по принципу асимметрии является политический дискурс президента России В. В. Путина в период событий новейшей украинской смуты и присоединения Крыма. В результате анализа дискурсивных единиц (политических тестов) В. В. Путина было выявлено использование президентом следующих видов политических нарративов: личностного (нарратива политика), идеологического (нарратива-доктрина) и событийного (нарратива политических событий и ситуаций);

4) трансформирующий потенциал и жанровое разнообразие политических нарративов, а также высокая эффективность стратегии нарратива в целом позволяют говорить о целесообразности ее использования как во внутригосударственной, так и в международной политической коммуникации с целью создания симметричного коммуникативного пространства, ориентированного на кооперативный коммуникативный процесс.

Список литературы

1. **Брокмейер Й., Харре Р.** Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29-42.
2. **Владимир Путин ответил на вопросы журналистов о ситуации на Украине** [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/transcripts/20366 (дата обращения: 20.07.2014).
3. **Дейк Т. А., ван.** Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
4. **Дрыгина Ю. А.** Комплимент как речевая стратегия англоязычного политического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (29): в 2-х ч. Ч. II. С. 86-89.
5. **Инфантова Г. Г.** Реализация категории связанности в устном тексте // Текст. Структура и семантика. М., 2001. Т. 1. С. 54-62.
6. **Лаптева О. А.** Дискретность в устном монологическом тексте // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. Виноградовские чтения-XI. М., 1982. С. 77-105.
7. **Лесняк М. В.** Моделирование коммуникативной ретроспективы в политическом дискурсе с помощью тактики «создание темного прошлого» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (33). Ч. 2. С. 128-133.
8. **Митинг «Мы вместе!» в поддержку принятия Крыма в состав России** [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/transcripts/20607 (дата обращения: 20.07.2014).
9. **Обращение Президента Российской Федерации** [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/transcripts/20603 (дата обращения: 20.07.2014).
10. **Пресс-конференция В. Путина** [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/transcripts/19859 (дата обращения: 20.07.2014).
11. **Рикер П.** Мораль, этика и политика [Электронный ресурс]. URL: http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/.html (дата обращения: 20.07.2014).
12. **Розенфельд И.** Дискурс и нарратив [Электронный ресурс]. URL: http://cursorinfo.co.il/news/analize/2006/03/01/discurs/ (дата обращения: 15.05.2014).
13. **Шейгал Е. И.** Многоликий нарратив [Электронный ресурс] // Политическая лингвистика. 2007. № (2) 22. С. 86-93. URL: http://www.philology.ru/linguistics1/sheygal-07.htm (дата обращения: 15.05.2014).
14. **Шмид В.** Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
15. **Эриксон М.** Мой голос останется с вами [Электронный ресурс]. URL: http://www.victoria.lviv.ua/html/interesno/golos.html (дата обращения: 15.05.2014).
16. **Duranti A.** Narrating the Political Self in a Campaign for U.S. Congress // Language in Society. 2006. Vol. 35. Iss. 4. P. 467-497.

17. Fisher W. R. The Narrative Paradigm: An Elaboration // Communication Monographs. 1985. Vol. 52. № 4. P. 347-367.
18. Goffman E. The Goffman Reader / ed. by Ch. Lemert, A. Branaman. Blackwell Publishers Ltd., 1997. 350 p.
19. Nunberg G. Talking Right. Perseus Books Group, 2006. 264 p.
20. Roberts B. Political Activism and Narrative Analysis: the Biographical Template and The Meat Pot [Электронный ресурс] // Forum: qualitative Social Research. 2004. Vol. 5. № 3. URL: http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/569/1236 (дата обращения: 15.05.2014).
21. Schiffrin D. In Other Words: Variation in Reference and Narrative. Cambridge University Press, 2006. 390 p.
22. Velleman J. D. Narrative Explanation // The Philosophical Review. 2003. Vol. 112. № 1. P. 1-25.

NARRATIVE STRATEGY IN CONTEXT OF ASYMMETRIC POLITICAL COMMUNICATION (BY THE MATERIALS OF V. V. PUTIN'S SPEECHES)

Abramenko Anna Vasil'evna
Southern Federal University
a.v.abramenko@list.ru

In the article the problem of the use of narrative strategy in the political communication of asymmetric type is considered. The use of political narratives in the discourse of the current President of Russia V. V. Putin during the events of the modern Ukrainian revolt and the annexation of the Crimea is analyzed. The author concludes that the strategy of narrative has a high transforming potential and a variety of genres, and this makes it widely popular in modern domestic and international communicative space.

Key words and phrases: strategic interaction; narrative strategy; political narrative; asymmetric political communication; presidential discourse; international relations.

УДК 94(470)
Исторические науки и археология

В статье рассматривается социальная политика Енисейского речного пароходства в период двенадцатой пятилетки. Показаны такие направления социальной политики как строительство жилья и объектов социальной инфраструктуры, объёмы строительства. Проанализированы факторы, влиявшие на отток и закрепление кадров. Исследованы деятельность по обеспечению безопасности на производстве, улучшению условий труда, культурно-просветительская работа на предприятиях пароходства.

Ключевые слова и фразы: Енисейское речное пароходство; социальная политика; социальная инфраструктура; закрепляемость кадров; предупреждение травматизма; культура производства; культурно-просветительская деятельность; обеспечение продуктами питания.

Ахтамов Евгений Александрович
Сибирский федеральный университет
akhtamov@gmail.com

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЕНИСЕЙСКОГО РЕЧНОГО ПАРОХОДСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 80-Х ГГ. XX В.©

В Советском Союзе предприятия несли значительную социальную функцию. Представления о социальной роли предприятий сложились в период становления отраслей народного хозяйства СССР и были органичны в социалистическом обществе с присущей ему государственной собственностью на предприятия. Одним из важнейших направлений социальной политики предприятий было строительство и содержание объектов социальной сферы.

Так, социальной программой Енисейского речного пароходства на 1986-1990 гг. предусматривался ввод 53,4 тыс. квадратных метров жилья. В целом объём капитальных вложений в строительную сферу по пароходству на двенадцатую пятилетку составил 109,5 млн рублей, в том числе по объектам производственного назначения – 81,3 млн рублей, из них на флот – 45,1 млн рублей, на жилищное строительство – 23,8 млн рублей, на народное образование – 2,5 млн рублей, на коммунальное строительство – 1,1 млн рублей, на здравоохранение – 0,7 млн руб. Помимо этого, на здравоохранение и реконструкцию Енисейской центральной районной больницы было израсходовано 0,8 млн рублей [6, д. 993, л. 47].

В двенадцатую пятилетку были введены в действие такие объекты социальной сферы, как: детские сады на 280 мест, профилактории на 60 мест, поликлиники на 200 посещений в смену, спальный корпус пионерского лагеря на 80 мест, столовая на 100 мест, дом быта на 75 мест, аптека, две молочные кухни, магазин на 4 рабочих места, баня на 30 мест, а также было начато строительство двух школ на 1 800 учащихся [Там же, л. 16].

© Ахтамов Е. А., 2014